

Субъект и объект в современной поэзии

Человек на протяжении всей его жизни задумывается о том, в каких ситуациях он является субъектом, а в каких объектом, когда и почему он становится исполнителем чьей-то воли (инструментом), то есть в каких отношениях он находится с другими людьми, с природой, историей. И, конечно, рефлексия на эту тему – постоянный предмет философии, психологии, искусства.

В статье рассматриваются эксперименты современных поэтов (начиная со второй половины XX века), направленные на такое употребление языковых единиц, которое не соответствует привычным представлениям о субъекте и объекте и некоторых других участниках денотативной ситуации (инструменте, адресате), а часто и прямо противоположно привычным представлениям.

Это явление анализируется в статье на примерах, связанных преимущественно с категориями залога, лица, одушевленности, падежа, но затрагиваются и некоторые периферийные способы выражения субъектно-объектной оппозиции.¹

Структура статьи основана на тех процессах, которые наблюдаются при анализе поэтических вольностей в функционально-семантическом поле объектности-субъектности и смежных участках других функционально-семантических полей.

Перечислю эти процессы и соответствующие разделы статьи:

1. Обмен участников ситуации актантами «субъект», «объект», «инструмент».
2. Дистанцирование от субъекта «я» и его устранение.
3. Устранение противоречий между грамматикой и семантикой актантов.
4. Создание неоднозначности на основе грамматической полисемии.

---

¹ Поскольку тема субъекта и объекта проявляется в разных грамматических категориях, некоторые примеры и фрагменты их анализа рассматриваются в книге: Зубова (2010) и статьях: Зубова (2004; 2009; 2012a; 2012b, 2012c; 2015).

*1. Обмен участников ситуации актантами
«субъект», «объект», «инструмент»*

Смешение субъекта с объектом – одна из главных тем экзистенциальной философии, отраженной искусством XX века:

Субъект и объект эквивалентны, что составляет логическое содержание нашей современности.²

Оппозиции субъект / объект, активность / пассивность – центральные для самоидентификации поэта. Для многих современных авторов, особенно вольно обращающихся с языковой нормой, характерно убеждение в том, что их право на поэтические вольности определяется не властью над языком, а подчиненностью языку,³ только не как норме, а как стихии.⁴

Так, в стихотворении Веры Павловой оказывается, что книга пишет автора, а в стихотворении Александра Кабанова – что книга читает автора.

Вечерний свет и вечерний звон –
соавторы книги этой.
Ее цитирует сладкий сон,
чтоб не захотелось рассвета.
Она раздувает пламя твое
и брызжет оно, и пышет,
**и ты считаешь, что пишешь ее,
когда она тебя пишет.**⁵

² Смирнов (1994, с. 12).

³ Представление о первичности языка имеет глубокую основу в мировой культуре: «Слиянность, неразложимое единство, взаимозаменяемость в практике ритуального действия имени и вещи – органическая часть образной системы мифологической картины мира, для которой вообще был характерен образный синкретизм, субъектно-объектное единство. Миф же о творении мира словом принадлежит также к числу основных, коренных индоевропейских мифов» (Резанова 1999, с. 86).

⁴ Наиболее выразительно это было сказано в Нобелевской лекции Иосифа Бродского: «Кто-кто, а поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования [...] независимо от соображений, по которым он берется за перо [...] немедленное последствие этого предприятия – ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее ощущение немедленного впадения в зависимость от оно́го, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено. Зависимость эта – абсолютная, деспотическая, но она же и раскрепощает. Ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом – то есть всем лежащим впереди временем» (Бродский 1998, с. 15).

⁵ «Эту книгу читает вслух...» (Павлова 1999). Здесь и далее выделение мое – Л.З.

Крымско-татарское иго
вновь из бутылки хлебнешь.
Рядом раскрытая книга –
душно. И вряд ли уснешь.

Воблы сушеная фишка
в черном квадрате окна.
Спи, моя старая книжка,
пусть тебе снится весна.

Винница, пьяная Ницца,
все, что угодно судьбе...
Только не с мясом страница,
только не пепел в трубе.

Гул пролетевшего МИГа,
утра зазубренный край...
**Спи моя старая книга,
больше меня не читай.**⁶

В обоих случаях речь идет о том, что человек сформирован тем, что он написал в своих книгах. У В. Павловой изображается процесс становления человека, а у А. Кабанова говорится о том, что человек не может быть адекватно понят судя по тому, что им было написано давно: ранее написанное уже не вполне соответствует новому состоянию человека и препятствует дальнейшему развитию личности.

Следующий текст с переосмыслением субъектно-объектных отношений выразительно демонстрирует обмен актантами высоким и низким рангами:

В весенний сумрак
Под грузом сумок
С едою, купленной впрок.
И мой со мною, и мой со мною сурок.

...А как все это кончится, камни сточатся,
Отговорит и рожица, и пророчица,
Автомобили втянутся гаражами,
Гости – вокзалами, залами, этажами,
Шляпы – коробками, сны и сигары – ртами,
Все поменяются шубами и местами,
В час, когда будет можно все то, что хочется,
С ветхой единой-плоти одежды сбросив,
Что они сделают? сняв убор из колосьев
С женской родной седеющей головы?
Лягут лежать как псы

---

⁶ «(Колыбельная для книги)» (Кабанов 2005, с. 58).

и

Будут лежать, как львы.⁷

Здесь субъектно-объектная перевернутость утверждает приоритет мира вещей по отношению к человеку. В этом тексте изображается ситуация за пределами жизни персонажей. Вещи оказываются долговечнее людей, к вещам переходит роль субъектов, но и в этом случае наблюдается обмен ролями – уже между предметами: обнаруживается, что не гаражи предназначены для автомобилей, а автомобили для гаражей, не коробки для шляп, а шляпы для коробок. И люди (гости) предназначены для вокзалов. Со всей очевидностью в этом тексте представлено понижение главных участников ситуации в ранге и повышение второстепенных.

Обращенность субъектно-объектных отношений приводит к олицетворению предметов.

А. В. Бондарко пишет:

Между функциями С[убъекта] / О[бъекта] и различием одушевленности / неодушевленности существует определенное распределение, заключающееся в том, что признак «одушевленность» сочетается преимущественно с функцией С[убъекта], а признак «неодушевленность» – преимущественно с функцией О[бъекта]. [...] **Обмен ролями – когда неодушевленный предмет выступает в качестве подлежащего в именительном падеже, а одушевленное существо – как прямое дополнение в винительном падеже – ведет соответственно к известному оттенку персонификации.**⁸

В рассмотренном тексте дополнение выражено не винительным, а творительным падежом, и от этого персонификация оказывается еще более выразительной.

В тексте М. Степановой можно видеть не только одушевление предметов, типичное для поэзии вообще, но и явление глубоко архетипическое:

[...] языческие ритуалы в целом ряде случаев определяются представлением о перевернутости связей потустороннего (загробного) мира [...] оба мира – посюсторонний и потусторонний – как бы видят друг друга в зеркальном отображении [...] перевернутость поведения выступает как естественное и необходимое условие действенного общения с потусторонним миром или его представителями.⁹

В стихотворении Давида Паташинского люди предстают инструментами неизвестно кого (в структуре неопределенно-личных предложений):

порцию невезухи кто еще нас поймет
были мы люди-мухи нами любили мед
 были мы люди-суки были глаза сухи
 ты не давай мне руки не подавай руки

⁷ «Свадьба принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз в прямой трансляции немецкого канала RTL» (Степанова 2006).

⁸ Бондарко (1992, с. 49).

⁹ Успенский (1994, с. 321, 323).

утренней укоризной сморщенное лицо
 были глаза как призмы свернутые в кольцо
 наша душа – потемки вытертые до дыр
были мы люди-терки нами строга́ли сыр
нами вино лакали нами давили тлю
 этими вот руками что я тебя люблю¹⁰

В этом случае преобразование субъектно-объектных отношений вместе с дефисными конструкциями *люди-мухи*, *люди-терки* указывает на зависимость человека от обстоятельств жизни.

О том, что человек – не главный в природе, он даже не объект, а инструмент, сообщается и в таком стихотворении:

Толстый комар пролетел, засмеялся и вышел,
Хлопнув ладонью моей по запредельной щеке.
 Снова в глазах тишина, и таращатся голые окна,
 К мирной постели моей пасть разевая свою.¹¹

Комар здесь персонифицирован и на лексическом уровне: он назван толстым, а не крупным, о нем говорится, что он засмеялся и вышел (а не вылетел). И окна здесь таращатся и разевают пасть – рисуется вполне сказочная картина, в которой активными субъектами оказываются все кроме человека. Человек же здесь представлен метонимически: только ладонью, причем и ладонью он не сам распоряжается.

В следующем стихотворении говорится о распределении семейных ролей:

Уже который год, лишь вечер настает,
 как пара лошадей, мы дружно ходим цугом.
 Я штопаю носки, ты чинишь дисковод.
Да что ж это с тобой мы делаем друг другом?!

Ты моешь мной полы, стираешь мной белье,
Готовишь мной на стол, когда приходят гости,
А я тобой смотрю, как мент гнобит жулье,
Чиню тобою кран и забиваю гвозди.

Потом ты мной родишь двоих-троих парней,
Ты выкормишь их мной и вырастишь на славу,
А я тобой куплю сперва, что помодней,
 Потом авто, гараж и пони на забаву.

И годы – чередой, а мы-то вразной
 Все чешем чехардой, усердны и упрямы.
Ты будешь мной любить, а я любить тобой,
 Друг другом застолбив Канары и Багамы...

¹⁰ «Немного цвета» (Паташинский 2006, с. 72).

¹¹ «Ночь через форточку воет тихонько в квартире...» (Кучерявкин 2001, с. 122).

Однажды ты поймешь, что твой черед настал,
 Что жизнь уже прошла, и не переиначишь,
 Но так же, как любил, и так же, как дышал,
Ты мною смерть свою оплатишь и оплачешь.¹²

В семейной жизни муж и жена нередко спорят (или, по крайней мере, задумываются) о том, кто что должен делать, кто кого и как использует. Эта тема развита Марией Ордынской в подробностях. Намек на конфликт содержится в строчках: *И годы – чередой, а мы-то вразной / Все чешем чехардой, усердны и упрямы*. Однако именно в радикальной трансформации субъектности и инструментальности изображена гармония семейных отношений.

Клишированное сочетание *друг с другом* преобразуется в авторское *друг другом*. Может быть, это связано с тем, что предлог *с* представлялся неуместным при жизни *вразной*, как сказано в стихотворении.

Аномалия глагольного управления в сочетании *друг другом*¹³ при детальном развертывании темы повлекла за собой и другие грамматические сдвиги, относящиеся к управлению глаголов. Норма сочетаемости (точнее, узус, так как подобная норма нигде не зафиксирована) не предусматривает инструментальной валентности глаголов, представленных авторскими сочетаниями: *готовишь мной, тобой смотрю*,¹⁴ *мною родишь, тобой куплю, мной люблю*.¹⁵

Преобразование непереходных глаголов в переходные нередко заполняет лакуны в системе субъектно-объектных бинарных оппозиций, например, в таких текстах:

Чей праздник здесь жил, волосами звеня?
 Чьи флейты мистерий? Чьи магий мантильи?..
 Меня не любили – **болели меня**...
 (Чье сердце столиц?) ... и, естественно, мстили.¹⁶

Ты веришь в Бога? **Он меня живет**
 минуя тело спящими ночами
 а в комнате – московский снег идет
 и девушка проходит между нами¹⁷

¹² «Уже который год, лишь вечер настает...» (Ордынская 2008, с. 131).

¹³ Сочетание *друг другом* в норме возможно, но только не с глаголом *делать*, а в предложениях типа *мы довольны (не довольны) друг другом, они гордятся друг другом*. Вероятно, предикат в таких случаях должен указывать на состояние, а не на действие.

¹⁴ Творительный падеж при глаголе *смотреть* возможен только в плеонастическом сочетании *смотреть глазами* или в метафорах типа *смотреть волком*.

¹⁵ Впрочем, творительный падеж при глаголе *любить* имеется во фразеологическом сочетании *любить всей душой*.

¹⁶ «Хутор потерянный» (Соснора 2006, с. 603).

¹⁷ «Новая Эллада» (Поляков 2003, с. 121).

Первый из этих примеров примечателен тем, что импульсом к транзитивации глагола *болеть*, возможно, является рифма *жалели – болели*. Предположительно, механизм сдвига таков: *не жалели меня → *болели меня*. Синонимия слов *любить* и *жалеть* в русском языке, особенно в просторечии и диалектах, хорошо известна. В таком случае аномальное управление порождено стиховой структурой.

Импульсом сдвига во втором примере являются не внутриязыковые ассоциации, а, скорее всего, исключительно когнитивная потребность заполнить лексико-грамматическую лакуну:

Бога вообще нельзя понять вне грамматики и метафизики переходности [...] Бог не просто нас творит в начале и спасает в конце (если мы сами того захотим), но он есть действующее начало во всем, что составляет наше существование. Поэтому и можно сказать, что он нас существует.¹⁸

2. Дистанцирование от субъекта «я» и его устранение

Устранение субъекта – одна из главных установок постмодернизма.¹⁹ Выражения *смерть автора*, *смерть субъекта*, восходящие к статье Р. Барта, впервые опубликованной в 1967 г.,²⁰ часто употребляются в критике и литературоведении не только метафорически, но и терминологически.²¹

В современной поэзии устранение субъекта часто выражается на грамматическом уровне – либо неупотреблением местоимения *я* и глагольных форм 1-го лица единственного числа, либо рассогласованием глагола с местоимением *я*.

На практике это выглядит, например, так (в ситуации объяснения в любви):

Ах, Наталья, idol mio,
истукан и идол!..
**Горько плачет супер-эго,
голосит либидо!**

¹⁸ Эпштейн (2007).

¹⁹ Постмодернизм понимается не как направление, а как ведущая тенденция в мировосприятии, свойственная второй половине XX века.

²⁰ Барт (1994).

²¹ «„СМЕРТЬ АВТОРА“ – парадигмальная фигура постмодернистской текстологии, фиксирующая идею самодвижения текста как самодостаточной процедуры смыслопорождения» (Грицанов / Можейко 2001, с. 771).

«„СМЕРТЬ СУБЪЕКТА“ – метафорический термин для обозначения одного из двух полюсов амбивалентной тенденции размывания определенности субъект-объектной оппозиции в рамках постмодернистской программы преодоления традиции бинаризма, фиксирующий отказ постмодернистского типа философствования от презумпции субъекта в любых версиях его артикуляции (ино-, поли- и, наконец, бес-субъектность „непознаваемого субъекта“ эпохи постмодерна)» (там же, с. 80).

Говорит мое либидо**твоему либидо:**

«До каких же пор, скажите,
мне терпеть обиды?»²²

Ирония Кибирова здесь направлена и на себя, и на учение Зигмунда Фрейда о психоанализе, который объясняет поведение и чувства человека бессознательным. Ироническая тональность текста усиливается тем, что маркером отстраненности становится не только сам термин *либидо*, но и средний род этого термина. Автор как бы снимает с себя ответственность за свои чувства, но при этом он воспроизводит традиционный образ любви как стихийной силы.

При рассогласовании глагольной формы с местоимением демонстрируется раздвоенность сознания, когда субъект высказывания смотрит на себя как на объект:²³

Зато я никому не должен
никто поутру не кричит
и в два часа и в полдругого
зайдет ли кто – **а я лежит**²⁴

Это дерево губить
что-то неохота,
ветром по небу трубить –
вот по мне работа.

Он гудит себе гудит,
веточки качает.
На пенечке кто сидит?
Я сидит, скучает.²⁵

наигравшись в привиденья
снег утратил прежний вид
рухнул навзничь без движенья
он – лежит, **а я – летит**

я плывет со мною рядом
приглашая всех в полет
и с небес лукавым взглядом
знак условный **подает**²⁶

²² «Ах, Наталья, idol mio...» (Кибиров 2000, с. 25).

²³ «Постмодернистская психика в целом симбиотична [...] У симбиотика с его авторефлексированием нет иного положения в мире, кроме метапозиции» (Смирнов 1994, с. 317).

²⁴ «Я был веселая фигура...» (Лимонов 2003, с. 95).

²⁵ «Песенка» (Лосев 1999, с. 65).

²⁶ «Неошагаловский полет» (Гецевич 1995, с. 14).

Подобный аграмматизм, который у современных поэтов встречается очень часто, имеет основание во вполне нормативных языковых структурах с субстантивированным местоимением «я» (ср. выражения: *авторское «я»*, *поэт отстраняется от своего «я»*), а также в высказываниях типа *Мама тебе не разрешает* (если это говорит сама мать). Кроме того, употребление глагола в 3-м лице при местоимении в 1-м хранит в себе историческую память о структуре высказывания: в древнерусских текстах широко представлены этикетные формулы типа *я, Федька, челом бьет*. Такая синтаксическая контаминация 1-го и 3-го лица демонстрирует, что пишущий переключается с обозначения себя как субъекта речи на обозначение себя как объекта восприятия.

Устранение субъекта, преобразование его в объект получается и при употреблении форм местоимений *меня*, *мне* вместо *себя*, *себе*, и при замене притяжательного местоимения *мой* падежной формой *меня*. Оба этих способа представлены в контекстах, изображающих отделение души от тела:

Усомнившись в себе, поднося свои руки к глазам,
я смотрю на того, кто я сам:
пальцы имеют длину, в основании пальцев –
по валуну,
ногти, на каждом – страна восходящего солнца,
в венах блуждает голубизна.

Как мне видеть меня после смерти меня,
даже если душа вознесется?²⁷

Вероятно, нормативное требование кореферентности местоимения *себя* с подлежащим исключает отнесение местоимения *меня* к субъекту *я*, хотя и местоимение *меня* в этом случае тоже вполне кореферентно. Нарушение этой нормы в тексте Гандельсмана указывает на то, что местоимение *меня* не должно быть кореферентно с подлежащим *я*.

Замена выражения *после моей смерти* на выражение *после смерти меня* усиливает отчуждение – вероятно потому, что притяжательное местоимение указывает на принадлежность кому-либо, а после смерти человеку уже ничто не принадлежит.

В следующем примере родительный падеж местоимения *себя* в сочетании *мордочку себя* заменяет нормативное притяжательное местоимение *мою*.

Заходя в ванную, внезапно в зеркале замечаю
забавную **мордочку себя**. Становясь большими,
утро в чужой стране начинаем с чая,
заканчивая в машине.²⁸

Если слово *себя* в качестве объектного глагольного актанта вполне нормативно (*вижу себя, упрекаю себя*), то употребление этого местоимения как

²⁷ «Вступление» [из цикла «Шум Земли»] (Гандельсман 1998, с. 6).

²⁸ «Заходя в ванную, внезапно в зеркале замечаю...» (Паташинский 2006, с. 71).

Готовая, как форма для отливки,
Сижу, сложимши лапки, **бедный аз**.
На передплечье светятся прививки
Предшественных и будущих проказ³²

В следующем тексте средством преобразования субъекта в объект становится преодоление лексических ограничений на образование форм лица:

Я – я опять. Не кто-нибудь иной,
А я: никто еще не квартирует,
И некто «я» передо мной шурует,
Как я маячу за своей спиной.³³

Чтоб, неразумное, не голосило,
Телу пальто покупается в талью.
Я под сорочкой **зияю**, как сито,
Перед горящей ночами плитою.³⁴

Всё **зияю**... И я, и ее
Зазвеневшее сердце пустое...
Ой, зима, все толкуешь свое?
Ой, толчешься все в сухостое...?³⁵

Смотрю вослед своей душе,
как в сумерках на убыль света,
отсутствую и **брезжу** где-то –
то ли еще, то ли уже.³⁶

С неладой-жизнью пребывая рядом,
я обнимаюсь неумным взглядом,
как лядвеи огромным, и всем стадом
усталым слягу, голову сложу
под этот взгляд, где брежу и блажу,
где еле **брезжу**, жалобно и нежно,
где чуть ворочаюсь, брезгливо и небрежно...³⁷

Ю.Д. Апресян и Е.В. Падучева показали, что в лексическую семантику подобных глаголов входит компонент «врожденный наблюдатель»:

Врожденный наблюдатель имеется у глаголов, выражающих наблюдаемый признак предмета: цвет (*белеть, чернеть*), форму (*маячить, торчать*), звучание (*раздаться, раздаваться*).³⁸

³² «20 сонетов к М.» (Степанова 2001b, с. 48).

³³ «Я» (Ожиганов 2015, с. 63).

³⁴ «Чтоб, неразумное, не голосило...» (Степанова 2001a, с. 21).

³⁵ «Все зияю... И я, и ее...» (Юрьев 2004, с. 34).

³⁶ «Путник» (Ахмадулина 1995, с. 88).

³⁷ «Я с жизнью рядом...» (Петров 1994, с. 189).

³⁸ Падучева (2004, с. 214).

В первом из этой группы примеров маркерами преобразования субъекта в объект являются и выражение *И некто «я»*, и локализация *передо мной*, и глагол *шурует*, сконцентрированные в одной строке, а также начало строфы *Я – я опять* – с очевидной пресуппозицией иного состояния.

3. Устранение противоречий между грамматикой и семантикой актантов

Употребление в тексте безличных глаголов, по своей семантике не указывающих на субъект, весьма способствует трансформациям, связанным с субъектом и объектом, активом и пассивом, например:

Я сегодня проснулся от слез. Слезы блестели
в капле лампы ночной, потому что горела.
Видно, вчера **не заметилось, как заснулось**.
Вот и приснилось. И лампа без толку играла³⁹

В этом случае представление о грамматической активности предикатов *не заметилось, заснулось* противоречит представлению о семантической активности субъекта, и постфикс *-ся*, превращая личные глаголы в безличные, устраняет конфликт между грамматическим активом глаголов и их семантическим пассивом.

В следующем контексте с окказиональной безличностью (без изменения внешнего облика глагола) автор отказывается в субъектности тому, кого он называет словом *никто* и чье действие отрицает:

Рожа наружу, внутри никого,
вот он, юрод на ходулях, сшит он
из кровоточащей телячьей кожи,
это идет мое право мычать и право качаться
налево, вправо,
возьму, вниз, из.

Занавески. Они шевелятся,
рассвет наружу, внутри никого,
никого не лезет в окно,
занавески кружатся и крошатся,
в них осыпается шелуха, отпадает известка.
Занавески стоят стеной,
за ними стоит иное.⁴⁰

Пример может быть объяснен такими словами А.В. Бондарко:

Субъектность, находящая выражение в формах косвенных падежей (например, *Ее здесь не было*), всегда так или иначе «снижается в ранге» по сравнению с субъектностью, выраженной подлежащим в форме им. падежа (ср.: *Она здесь только что была*), потому что на денотативно-понятийную основу

³⁹ «Я сегодня проснулся от слёз...» (Иконников-Галицкий 1998, с. 51).

⁴⁰ «Рожа наружу, внутри никого...» (Боярских 2009, с. 110).

семантики С[убъекта] наслаивается тот или иной оттенок объектной языковой интерпретации, связанной с формой дополнения.⁴¹

Е.В. Падучева обращает внимание на то, что в конструкциях типа *Коли нет (не было) в Москве* «генитив приравнивает наблюдаемое отсутствие к несуществованию».⁴² В тексте Е. Боярских глагол *лезет* – не экзистенциальный, это глагол активного действия (движения), то есть семантика сочетания *никого не лезет* противоречит отрицанию и действия, и самого действующего субъекта. При этом семантический компонент наблюдаемости усиливается, укрупняется, а само отрицание, может быть, как раз из-за его обостренной экспрессивности, ставится под сомнение: картина слишком отчетливо изображает лезущего – тем более что *занавески кружатся и крошатся*, а заканчивается стихотворение строкой *за ними стоит иное*.

Рассмотрим такой пример со сгущением страдательных причастий прошедшего времени:

Ладонь кем-то **улещена**.
Лицо кем-то **ошарено**.
Ты мною **намерещена**,
Ты мною **накошмарена**.⁴³

По формулировке В.А. Плунгяна, «граммемы залога маркируют переключение внимания говорящего, тот „кадр“, в фокус которого поочередно попадают разные участники ситуации».⁴⁴

Здесь в фокус внимания попадает семантический объект, названный словом *ты*, и становится синтаксическим подлежащим (синтаксическим субъектом, противоречащим логическому субъекту). В этом случае можно было бы говорить о сопряженной субъектности, о которой писал А.В. Бондарко: сопряженная субъектность состоит в том, что функция субъекта состояния совмещена с функцией объекта действия, как в сочетании *ботинки начищены*.⁴⁵

Грамматическая структура в приведенном примере побуждает видеть субъект состояния в актанте *ты*. Но логика ситуации, а точнее, лексические значения результативных причастий препятствуют такому восприятию. Не кто *она (ты)* мерещится не сама себе, а субъекту высказывания, и кошмар испытывает именно он, а не она. Но можно ли кого-то назвать субъектом действия *мерещится*? Логически – он явный пациент, а не агенс, следовательно, и субъект состояния – он, а не она. Казалось бы, это противоречит теоретическому положению о сопряженной субъектности. На поверхностном уровне – да, но если задуматься о смысле поэтического высказывания, можно интерпретировать текст так: в результате постоянных мыслей

⁴¹ Бондарко (1992, с. 48).

⁴² Падучева (2006, с. 105).

⁴³ «Ладонь кем-то улещена...» (Власов 1994, с. 34).

⁴⁴ Плунгян (2000, с. 195).

⁴⁵ Бондарко (1992, с. 46).

автора-персонажа его любимая изменяется в его сознании, превращаясь в то, что мерещится и становится кошмаром (или персонажем кошмарных снов). То есть она действительно оказывается субъектом состояния.

Этот пример затрагивает и категорию переходности, поскольку промежуточным звеном между нормативным глаголом *мерещиться* и авторскими причастиями *намерещена*, *накошмарена* являются имплицитные окказионализмы *намерещить*, *накошмарить*. К современному жаргонному слову *кошмарить* в значении 'запугивать, устрашать' этот текст не имеет отношения, но примечательно, что в жаргоне такой глагол возник, осуществив словообразовательную потенцию, сходную с той, которая реализована в стихотворении.

4. Создание неоднозначности на основе грамматической полисемии

В следующем тексте автор устраняет возвратный постфикс слова *колотится*, и в результате этой деформации возникает грамматическая многозначность глагола:

Гулкий филин, обозначивая соседство,
рядом со мной на кипарис уселся.
Рука у груди – самое лучшее средство,
если неровно **колотит сердце**
с той стороны стеклянной клетушки.
А земля полна клевера или кашки.
Иногда мне становится так душно,
что становится страшно⁴⁶

Здесь глагол *колотит* можно понимать и как глагол действительного залога, то есть как предикат, отнесенный к субъекту *сердце*, и как безличный глагол, при котором актантом *сердце* обозначен объект воздействия, и как член потенциальной синонимической пары *колотит* – *колотится* (ср.: узуальную синонимическую пару *стучит* – *стучится*).

Грамматическая неоднозначность, создающая субъектно-объектный синкретизм, наблюдается и в таких строчках:

Я б выучил гэльский на птичьих утесах,
Где **воздух знобит** от мелькания чаек.
Я знал бы ответы на ваши вопросы,
Которые вы задаете случайно.⁴⁷

Исходя из презумпции безличности, в норме имманентно свойственной глаголу *знобить*, слово *воздух* в сочетании *воздух знобит* следует понимать как обозначение объекта винительным падежом существительного (с инверсией подлежащего и дополнения). Но все же есть и альтернатива восприятия, тем более что у того же автора встречается несомненная трансформация

⁴⁶ «Небо наклонилось...» (Паташинский 2006, с. 69).

⁴⁷ «И я мог бродить...» (Дидусенко 2006, с. 208).

безличного глагола в личный: *И крепко дышалось: еще и еще! / Морозило. Осень знобила плечо.*⁴⁸

Совпадение страдательных причастий настоящего времени с личной глагольной формой 1-го лица множественного числа выполняет художественную функцию в таком тексте:

И, просекаемый сейчас,
Терновник мглист,
И еле слышим мягкий смех,
Чуть видим лик.⁴⁹

На такую омонимию обратила внимание Н.М. Азарова. В результате анализа многочисленных примеров она выдвинула гипотезу:

Возможно усмотреть в русском философском и поэтическом текстах наличие регулярного сопряжения категории лица с категорией залога в неличной форме на *-ем/-им* под влиянием или в ситуации непосредственной близости с личной формой первого лица множественного числа глагола, что ведет к имплицированию категории лица (персональности) в форме на *-ем/-им*.⁵⁰

В своем исследовании Н.М. Азарова опирается на такое положение А.В. Бондарко:

Отношение к лицу может быть либо относительно самостоятельной характеристикой высказывания, или некоторого его элемента, либо характеристикой, сопряженной с какой-то иной семантической категорией, например, посесивной (*мой дом*). В некоторых языках возможно сопряжение категории лица и с иными семантическими категориями.⁵¹

Фокусируя внимание на теме «субъект и объект», добавлю, что в этом случае личными формами глаголов *слышим, видим* обозначен грамматический актив, а, следовательно, существительными *смех, лик* обозначены объекты сенсорного восприятия. Если же интерпретировать слова *слышим, видим* как страдательные причастия, то существительные *смех, лик* оказываются обозначением грамматических субъектов. Конечно, в ранговой иерархии актантов приоритетен актант *мы*, но его неэксплицированность местоимением заставляет читателя воспринимать слова *слышим, видим* как равноправные в своей грамматической двойственности.

Много примеров грамматической неоднозначности связано с категорией падежа. Например, значения именительного и родительного падежей совмещены в таком контексте:

Повсеместно окрест ни светло, ни темно,
И в созвучии: око – икона – окно, –
Обещание вещего знака,
Словно все, что случится, лежит на кону...

⁴⁸ «Был месяц растущий, растущий туда...» (Дидусенко 2006).

⁴⁹ «Полезно опусканье глаз...» (Вольф 2001, с. 42).

⁵⁰ Азарова (2010, с. 167).

⁵¹ Бондарко (2002, с. 544).

И, поодадь застывши, молчит на луну
Осторожная злая собака.⁵²

Строку *обещание вещиго знака* можно понять по-разному: и ‘созвучие дает сигнал о вещем знаке’ и ‘вещий знак обнаруживается созвучием’. Двойственность эта смысловая, она направлена на объединенное восприятие субъекта и объекта обещания. К синкретизму объектного и субъектного значений родительного падежа располагает одновременная реализация и субъектной, и объектной валентности отглагольного существительного. Заметим, что автор, перечисляя этимологически родственные слова *око*, *икона*, *окно*, придает статус знака именно звуковому сходству и при этом ставит рядом другие, еще более созвучные исторически однокоренные слова *обещание* и *вещего*.

В стихах Андрея Битова омонимия именительного и винительного падежей, которая иногда препятствует различению субъекта и объекта, становится предметом языковой рефлексии:

Часы без стрелок – завожу их вновь,
И аккуратность заменяет точность.
Смерть побеждает, как всегда, любовь...
Но кто кого? Грамматики порочность.⁵³

А Давид Паташинский использует затрудненность такого различения, деформируя известное изречение *цель оправдывает средство*, воспринимая которое мы обычно не сомневаемся, что в нем подлежащим является слово *цель*, а прямым дополнением – слово *средство*.

Утром любят взять за сердце, камень сердца согревая,
утром дети пьют густое голубое молоко,
цель выдумывает средство, а судьба у нас такая
доживать, что дали, стоя, если плакать нелегко.⁵⁴

Автор, разрушая фразеологизм замещением сказуемого и вставляя фразу в поэтический контекст, заставляет читателя задуматься о том, что все-таки первично – цель или средство. Стиховая структура здесь особенно релевантна: если в практической речи ранг актантов может зависеть от порядка

⁵² «Полнолуние» (Перельмутер 1997, с. 87).

⁵³ «Рассвет» [стихи Ленечки из повести «Лес»] (Битов 1997, с. 36).

⁵⁴ «Утром каменные люди любят взять меня за сердце...» (Паташинский 2006).

слов,⁵⁵ то в поэзии инверсия является нормой,⁵⁶ следовательно, слово *цель* во фрагменте *цель выдумывает средство* способно быть и подлежащим, и дополнением, выдвинутым в начало высказывания.

Полисемия дательного падежа, который может быть и дательным субъекта и дательным адресата, располагает к объединению этих значений, например, в таком стихотворении:

этим – купанным на кухне в оцинкованных корытах
 со младенчества играющим у церкви без креста
не писать на Пасху золотых открыток
серебристой корюшки не ловить с моста
 оловянная свинцовая а то и в каплях ртути
 их несла погода спеленав сукном
 а теперь и некому просто помянуть их
 голубиным словом на полуродном
 языке церковном языке огней
 отраженных волнами с такой холодной силой
 что прижаться хочется крепче и больней
 к ручке двери – двери бронзовой двустворчатой резной
 где изображен свидетель шестикрылый
 их небытия их жизни жестяной⁵⁷

Виктор Кривулин пишет о погибших солдатах. Название стихотворения «Эти» фонетически (и рифменно) подобно слову *дети*. Слова в *оцинкованных корытах*, помещенные в первую строку, при развертывании текста вызывают в сознании картину похорон в цинковых гробах.

При совпадении двух значений дательного падежа множественного числа (*этим [...] не писать на Пасху золотых открыток*) местоимение *этим* может быть понято как указание и на субъект, и на адресата (т. е. быть и агенсом, и бенефактивом): ‘они не будут писать открыток’ и ‘никто не будет писать им открыток’, ‘они не будут ловить корюшку’ и ‘для них никто не будет ловить корюшку’.

А в следующем тексте совмещение агенса и бенефактива в дательном падеже слова *Богу* становится возможным благодаря безличному глаголу,

⁵⁵ «Подлежащее в большей степени, чем другие И[менные] Г[руппы] в предложении, способно находиться в центре внимания участников речевого акта, соответственно оно имеет и высший коммуникативный ранг. Дополнение способно к этому в меньшей степени. Если оно все-таки находится в центре внимания, то это приходится выражать особыми средствами, например, не совсем обычным порядком слов, при котором дополнение стоит в начале предложения» (Тестелец 2001, с. 420).

⁵⁶ И.И. Ковтунова указала на принципиальное отличие измененного порядка слов в поэзии и прозе: в прозе инверсии стилистически маркированы актуальным членением предложения, фразовой интонацией, а в стихах они являются нормой и стилистически не маркированы, так как фразовое членение поэтических текстов подавляется ритмическим (Ковтунова 1992, с. 195-198).

⁵⁷ «Эти» (Кривулин 1988, с. 7).

нейтрализующему те различия в обозначении субъекта и адресата, которые были бы выражены разными падежами при употреблении личных форм глагола (*кто-то улыбался Богу* или *улыбался Бог*).

Под это дело хорошо спалось
 В пустом дому, что был через дорогу,
 И думалось, и мнилось, и пилось,
 И без ехидства **улыбалось Богу**.⁵⁸

Конечно, читатель волен выбирать одно из значений, считая омонимию или полисемию помехой для точного восприятия. Но все же в поэтическом тексте неточность не обедняет, а обогащает текст. Можно заметить, что если лексическая полисемия давно освоена – не только как основа игровых приемов, но и как средство серьезного высказывания, то в поэзии конца XX – начала XXI века активно осваивается грамматическая полисемия. Авторы – иногда сознательно, иногда интуитивно – предлагают нам или не вникать, или, напротив, вникать в противоречия и считать эти противоречия мнимыми.

Современная филология уделяет большое внимание осмыслению неточности и неопределенности в различных речевых жанрах и в эволюции языка (Ю.М. Лотман,⁵⁹ И.И. Ковтунова,⁶⁰ М.Л. Гаспаров⁶¹ и др.). И здесь важно то, что поэзия в своей лингвистической смелости не только выявляет тенденции развития языка, но и во многом опережает это развитие.

⁵⁸ «Ночь напролет и зиму бесперечь...» (Знаменская 1997, с. 77).

⁵⁹ «Функция тропа как механизма семантической неопределенности обусловила то, что в явной форме, на поверхности культуры, он проявляется в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины» (Лотман 1996, с. 58).

⁶⁰ «[...] суммируя виды неопределенности в поэтическом языке, в числе главных можно назвать следующие: в плане познавательных категорий и познавательной позиции автора – неопределенность чувства, ситуации, субъекта, места, времени, действия, объекта действия, точки зрения; в плане языковых категорий и связей (точнее – когнитивно-языковых) – неопределенность значения слова, неопределенность отнесенности признака (между этими двумя видами неопределенности и тропами границы размыты), неопределенность логико-синтаксических отношений, неопределенность предмета речи (темы); в плане поэтической коммуникации – неопределенность говорящего и адресата. Все эти виды неопределенности проявляются на уровне тропики, лексической семантики, семантико-синтаксических связей, синтаксиса текста» (Ковтунова 1993, с. 113).

⁶¹ По мнению М.Л. Гаспарова, в поэзии XX века появился новый троп – антиэмфаза – расширение и размывание значения слов; «из-за этой опоры на новый троп, на антиэмфазу, от традиционной к современной поэтике меняется само соотношение между обычным языком и поэтическим языком. Там поэтический язык лишь продолжал обычный язык, надстраиваясь над ним добавочным слоем выразительных средств, – здесь поэтический язык противопоставляется обычному, вторгаясь в него иной структурой выразительных средств. [...] В обычном языке слово моносемизируется контекстом – в поэтическом предложении и целый контекст полисемизируется эстетической изоляцией» (Гаспаров 1986, с. 191).

Заключение

Заканчивая статью, приведу цитату из работ А.В. Бондарко:

По существу средства, обычно рассматриваемые в разных главах грамматических описаний, – субъектно-объектные элементы синтаксических структур, субъектно-объектное ядро категории падежа, грамматические категории лица глагола и местоимения, категория залога, лексико-грамматические разряды переходности / непереходности, возвратности / невозвратности, одушевленности / неодушевленности, лица / не-лица – представляют собой элементы единой системы субъектно-объектных отношений.⁶²

Я видела свою задачу в том, чтобы показать эту систему в ее динамике, ускоренной художественными функциями языковых элементов.

Литература

- Азарова, Н. (2010): Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.
- Ахмадулина, Б. (1995): Гряда камней. Стихотворения 1957–1992. М.
- Барт, Р. (1994): Смерть автора // Барт, Р.: Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. 384-391.
- Битов, А. (1997): В четверг после дождя. СПб.
- Бондарко, А. (1983): Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.
- Бондарко, А. (1992): Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Бондарко, А. (ред.): Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность. СПб. 29-71.
- Бондарко, А. (2002): Теория значения в функциональной грамматике. М.
- Боярских, Е. (2009): Женщина из Кимея. М.
- Бродский, И. (1998): Нобелевская лекция // Бродский, И.: Сочинения: В 8 тт. Т. 1. СПб. 5-16.
- Власов, Е. (1994): Знаменитая книга. СПб.
- Вольф, С. (2001): Розовощекий павлин. М.
- Гандельсман, В. (1998): Эдип. СПб. / Нью-Йорк.
- Гаспаров, М. (1986): Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Мелетинский, Е.М. et al.: Историческая поэтика: Итоги и перспективы. М. 188-209.
- Гецевич, Г. (1995): Стихи. М.
- Грицанов, А. / Можейко, М. (2001): Постмодернизм. Энциклопедия. Минск.
- Дидусенко, М. (2006): Из нищенской руды. М.
- Знаменская, И. (1997): Глаз вопиющего. СПб.

---

⁶² Бондарко (1983, с. 44).

- Зубова, Л. (2004): Я? (Проблема персональности в современной поэзии) // Grelz, K. / Witt, S. (eds.): *Telling forms. 30 essays in honor of Peter Alberg Jensen*. Stockholm. 402-415.
- Зубова, Л. (2009): Глагольная валентность в поэтическом познании мира // Фатева, Н. (ред.): *Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов международного научного семинара «Проблемы междисциплинарных исследований художественного текста»*. М. 39-55.
- Зубова, Л. (2010): *Языки современной поэзии*. М.
- Зубова, Л. (2012а): Конфликт между грамматикой и лексикой в современной поэзии // Абдулхакова, Л. / Копосов, Д. (ред.): *Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ проф. В.М. Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.)*. Т. 2. Казань. 278-285.
- Зубова, Л. (2012б): Возвратность в функционально-семантическом поле залоговости как объект поэтических экспериментов // Воейкова, М. (ред.): *От формы к значению, от значения к форме: Сб. ст. в честь 80-летия А.В. Бондарко*. М. 208-228.
- Зубова, Л. (2012 с): Одушевленное и неодушевленное в современной поэзии // Вяткина, С. / Руднев, Д. (отв. ред.): *Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки*. СПб. 435-457.
- Зубова, Л. (2015): Неузальные страдательные причастия настоящего времени в современной поэзии // Казанский, Н. (отв. ред.): *ActaLinguisticaPetropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 11. Ч. 1.: Воейкова, М. / Сосновцева, Е. (ред.): *Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики*. СПб. 63-82.
- Иконников-Галицкий, А. (1998): *Фавор*. СПб.
- Кабанов, А. (2005): *Крысолов*. СПб.
- Кибиров, Т. (2000): *Amour, exil...* СПб.
- Ковтунова, И. (1992): *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. М.
- Ковтунова, И. (1993): Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Красильникова Е. В. (отв. Ред.): *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста*. М. 106-154.
- Кривулин, В. (1998): *Купание в иордани*. СПб.
- Кучерявкин, В. (2001): *Треножник*. СПб.
- Лейкин, В. (1991): *Образы и подобию*. Л.
- Лимонов, Э. (2003): *Стихотворения*. М.
- Лосев, Л. (1999): *Стихотворения из четырех книг*. СПб.
- Лотман, Ю. (1996): *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. М.
- Ожиганов, А. (2015): Два введения в Игру стеклянных бус (венки сонетов) // Komaromi, A. (ed.; Electronic Archive Project for the Study of Dissidence and Samizdat): *The Samizdat Journal 37 [Transcript based on the copy of „37“ № 5 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75]*. Toronto. [https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_5/datastream/PDF/view \(8/05/2018\)](https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_5/datastream/PDF/view (8/05/2018)).
- Ордынская, М. (2008): Уже который год, лишь вечер настает... // ЛИТО Вячеслава Лейкина. 23. СПб. 131.

- Павлова, В. (1999): Из книги «Площадь соловецких юнг» // Волга. 8, 1999. <http://magazines.russ.ru/volga/1999/8/pavl.html> (8/05/2018).
- Падучева, Е. (2004): Динамические модели в семантике лексики. М.
- Падучева, Е. (2006): Диатеза, генитив отрицания, наблюдатель // Храковский, В. С. / Дмитренко, С. Ю. / Заика, Н. М. (редколл.): Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. СПб. 103-109.
- Паташинский, Д. (2006): Немного цвета. СПб.
- Перельмутер, В. (1997): Пятилистник. М.
- Петров, С. (1994): Я с жизнью рядом // Камера хранения: Литературный альманах. Вып. четвертый. СПб.
- Плунгян, В. (2000): Общая морфология. Введение в проблематику. М.
- Поляков, А. (2003): Для тех, кто спит. М.
- Резанова, З. (1999): Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации в европейской культурной традиции) // Вестник Томского государственного университета. 268, 1999. 86-89.
- Смирнов, И. (1994): Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.
- Соснора, В. (2006): Стихотворения. СПб.
- Степанова, М. (2001а): О близнецах. М.
- Степанова, М. (2001b): Песни северных южан: Стихи. М. / Тверь.
- Степанова, М. (2005): Физиология и Малая История. М.
- Степанова, М. (2006): О // <http://znamlit.ru/publication.php?id=3054> (8/05/2018).
- Тестелец, Я. (2001): Введение в общий синтаксис. М.
- Успенский, Б. (1994): Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский, Б.: Избранные труды. Т. 1. М. 320-332.
- Эпштейн, М. (2007): О творческом потенциале русского языка: Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 3, 2007. 193-208. <http://znamlit.ru/publication.php?id=3230> (8/05/2018).
- Юрьев, О. (2004): Избранные стихи и хоры. М.